

Элла Панеях

Gilles Favarel-Garrigues. Policing Economic Crime in Russia: From Soviet Planned Economy to Privatization. New York: Columbia University Press, 2011. vii+304 p. ISBN 978-0-2317-0214-0.

Элла Панеях. Адрес для переписки: Институт проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 3, Санкт-Петербург, 191187, Россия. paneyakh@gmail.com.

Книга французского социолога Жюль Фавареля-Гаррига, впервые опубликованная на французском языке в 2007 году и недавно вышедшая в английском переводе, посвящена анализу борьбы с экономической преступностью в СССР и России с 1965 года по середину 1990-х годов.

Фаварель-Гарриг рассматривает преступность как социальный конструкт, а борьбу с ней – скорее как административный процесс, а не как процесс прямого применения закона или проведения в жизнь политики государства-партии. Вместо принятой в западных исследованиях о России рамки «тоталитарного режима» и, затем, «переходного периода», автор помещает рассматриваемые процессы в рамках критической социологии (с ее вниманием к неравенствам и социально предопределенным предубеждениям исполнителей в применении права) и, в частности, в рамках социологии бюрократии. Полицейский здесь выступает как *street-level bureaucrat* (термин Майкла Липски), выбирающий, за какие дела браться и стремящийся к нескольким целям одновременно, вынужденный балансировать между ними – часть из них задана идеологически, часть определяется формальными правилами и законом, часть вытекает из стимулов, создаваемых официальной системой отчетности и оценки деятельности, часть носит личный характер (карьера, коррупционные возможности, простая экономия усилий). Гражданин же в свою очередь (в соответствии с концепцией «нелегалностей» (illegality), предложенной Мишелем Фуко) имеет больший или меньший доступ (в зависимости от социального статуса и принадлежности к той или иной статусной категории) к возможности безнаказанно нарушать формально общий для всех закон.

Процесс «борьбы с экономической преступностью» рассматривается в книге как комбинация трех процессов: идеологически и прагматически предопределенной политики центральной власти, интерпретации требований центра представителями власти на местах и практиками непосредственных исполнителей в карательных органах по отбору случаев, подлежащих преследованию.

Важным фактором становится то, что у борьбы с экономической преступностью оказывается множество субъектов: в зависимости от типа и тяжести «преступления» оно может находиться в зоне ответственности КГБ, Прокуратуры, нескольких разных подразделений МВД. Кроме того, в СССР множество формально «несиловых» структур участвовали в энфорсменте (enforcement) экономического

законодательства, то есть принуждали к исполнению правил – от ОБХСС, партийных контрольных органов, наделенных формальными полномочиями, до комитетов народного контроля и народных дружин. Размытость определения «преступлений», множественность агентов преследования создавали то, что Фуко называл «пространством толерантности» – лакуны, в которых преследование поступков, формально попадавших под определение экономических преступлений, не осуществлялось или осуществлялось выборочно. Большее или меньшее «пространство толерантности» к нарушению формальной нормы (вытекающее из неполной определенности любой нормы) привязано к статусу индивида, к которому закон может быть применен. Но механизм создания этого пространства – разрыва между формальной нормой и реальным ее применением к конкретному человеку в конкретном случае – лежит в практиках и рутинах деятельности правоприменителей, которые формирует бюрократическая логика.

В советское время важную роль играли также мобилизационные кампании по борьбе с экономической преступностью. Автор насчитывает пять кампаний, направленных на борьбу с разными типами «преступлений против социалистической собственности» и проведенных между 1965 годом и распадом СССР. В практиках правоохранителей, как и в теориях советских криминологов, выделяются три «субъективных» фактора, которыми теоретики объясняли склонность к совершению преступлений и которые практики использовали для того, чтобы выделить потенциального фигуранта экономического уголовного дела: тунеядство (отсутствие формального места работы), рецидивизм, алкоголизм. Сам этот перечень показывает, что большая часть борьбы с экономической преступностью состояла не в преследовании расхитителей значительных объемов государственной собственности, а в выполнении целевых показателей за счет социально слабых. Попытки криминологов заставить правоприменителей обращать внимание также на «объективные» причины преступности, понимаемые почти исключительно как наличие доступа к возможности совершения правонарушения (например, слабый бухгалтерский учет, плохая охрана на предприятиях, провалы энфорсmenta), привели лишь к тому, что эти категории оказались включенными в рутинные практики учета преступлений – другими словами, их попросту стали регулярно и механически упоминать в документах, протоколирующих ход расследования.

Система борьбы с экономической преступностью, «затбченая» на производство идеологически обусловленных плановых показателей, во времена перестройки оказалась бессильна противостоять незаконному переводу государственных активов в частные руки. Для такой деятельности не было ни структур, ни кадров, ни соответствующего законодательства. Таким образом, «стихийная приватизация» и, в изрядной степени, официальная приватизация в начале девяностых, проходила практически в отсутствие энфорсmenta закона, а часто и самого закона как писаной нормы; этими процессами управляли складывавшиеся в то время заново практики предпринимательского сообщества, борьба интересов и социальных групп. Это, как утверждает Фаварель-Гарриг, не случайно: сам относительный, сконструированный характер преступности, особенно экономической

преступности, приводит к тому, что в период общественной трансформации границы легального и нелегального становятся размытыми и оттого непригодными для энфорсmenta. Лишь новая политизация проблемы экономической преступности, идеологическая дискуссия на эту тему, повлекшая за собой возникновение в обществе новых определений «экономической преступности», разделяемых большинством, – какими бы мифическими и далекими от реальности они ни были – приводит к переопределению границ легальности и к тому, что правоохранные органы становятся в состоянии более или менее эффективно эти границы оборонять. Сначала в уголовном законодательстве об экономике царит полный хаос: законы принимаются и меняются ситуативно, декриминализуя старые, социалистические «преступления» вроде спекуляции, и в ответ на необходимость регулировать те или иные области возникающей экономической активности, отвечать на принципиально новые угрозы. Только в 1996 году появляется новый Уголовный кодекс, сводящий новации воедино, в более или менее непротиворечивую систему.

Кризис понятий сопровождался организационным кризисом: правоохранные органы за период трансформации переживают серию реорганизаций, пытаются угнаться за новыми задачами и вызовами. Необходимость бороться с экономической преступностью в новой, рыночной реальности оборачивается всплеском коррупции в силовых структурах, занятых энфорсментом в сфере экономики. В результате, в ходе приватизации и формирования крупных компаний, правоохранные органы фактически не занимаются обеспечением законности этих ключевых для формирования новой рыночной экономики процессов – как в силу коррупции, так и из-за правового вакуума. Вместо этого силы официально были брошены на борьбу с «организованной преступностью» – новая идеологема, заменившая «расхищение социалистической собственности» и «нетрудовые доходы». В реальности низовые сотрудники правоохранных органов предпочитали, как и в прошлом, делать план на тех, кто не может дать отпор или откупиться – как выражается Фаварель-Гарриг, «мелких воришках». Статистический резкий «всплеск» количества выявленных мелких краж сопровождается таким же спадом зарегистрированной правоохранителями «беловоротничковой» преступности.

Российский специалист по правовым вопросам найдет мало нового в эмпирических, описательных главах работы, как это нередко бывает с книгами, написанными о России западным исследователем для западной аудитории. Структура силовых органов, вовлеченных в борьбу с преступностью, особенности, вносимые в «экономическое» уголовное законодательство плановой системой и криминализацией большинства видов обыкновенного рыночного обмена, особый вид преступлений «против социалистической собственности», «палочная система» в полиции, правовой хаос перестройки и правовой вакуум ранних 1990-х – все это описано тщательно и «плотно», для совершенно незнакомой с российскими реалиями аудитории. Однако свежий социал-конструктивистский подход к изучению уголовной политики в сфере борьбы с экономическими преступлениями, которую в российской традиции принято описывать в рамках либо легалистски-правового, либо рационалистического дискурса, делает эту книгу интересной и для россий-

ского читателя. Тем более что, как заключает Фаварель-Гарриг свою работу, «определение границы между “чистыми” и “грязными” деньгами – то есть возможность управлять различием между отклонением от нормы и незаконной экономической деятельностью – продолжает оставаться ключевым компонентом политической власти в постсоветской России» (с. 260).